

ральдический символ обладает «эвристической силой»; 8) геральдический символ должен быть информационно достаточным. Такой анализ дает новое понимание сущности герба и значительно расширяет возможность его теоретического осмысления.

Выявление сущности герба до сих пор не стало в отечественной научной геральдике предметом специального, всестороннего и комплексного изучения, что свидетельствует о недостаточном внимании к ее теоретическим проблемам. Такая ситуация создает терминологическую неопределенность, не всегда оправданную альтернативность, субъективизм при причислении конкретных изображений к категории гербов. В свою очередь, это приводит к неясности предмета геральдического анализа, наносит ущерб точности дисциплинарного познания.

Сформировалось два основных способа дефиниции герба. Первый построен на перечислении триады его признаков «символизм-иконография-право»; второй – описательный, когда перечисляются категории возможных владельцев. Сложилось также пока не оформившееся в виде определения восприятие герба как исторического источника и атрибутирующего признака вещественных памятников. Активно бытующая до настоящего времени триадическая формула не соответствует современным задачам интенсификации геральдического знания, а альтернативные предложения либо конъюнктурны и субъективны, либо не стали пока общепринятыми. Определение сущности и неразрывно связанных с ним функций герба составляет одну из основных, наиболее значимых проблем современного российского гербоведения.

§ 2. Вечный поиск: понятие геральдики в отечественной историографии

Наряду с определением термина «герб» фундаментальное значение для дисциплинарного знания имеет семантика самого понятия «геральдика». Оно является стержневым компонентом понятийно-терминологической системы, ее методологической основой.

Как и понятию «герб», бытованию термина «геральдика» свойственен дуализм. С одной стороны, его содержание в различных направлениях геральдической мысли оказывало значительное влия-

ние на характер и границы познания, с другой – формируемая стихийно модель анализа способствовала модификации структуры, предмета и представления о самой дисциплине. Такой взаимоопределяющий, одновременно противоречивый и единый процесс обусловил состояние и эволюцию научной геральдики России.

В соответствии с общими закономерностями лингвистики слово «геральдика» появилось в русском языке позже, чем начали бытовать изображения, осознаваемые и определяемые как гербы. Употребление термина было связано не с единичными случаями их использования, а с относительно широким распространением, с официальным признанием явления и его государственным регулированием. Впервые слово «геральдика» (в варианте правописания «геролдика») зафиксировано в 1727 г., а в более близком к современной форме («гералдика») – в 1742 г.¹⁶⁶

Термин был заимствован из французского (*héraldique*) или польского (*heraldyka*) языков¹⁶⁷ и этимологически восходил к поздне-латинскому «*heraldus*» (глашатай, герольд)¹⁶⁸. Как писал Ю.В. Арсеньев: «Само название нашей науки геральдической, или геральдикой, показывает, что она была создана именно герольдами, имевшими обязанность при турнирах блазонировать, т. е. описывать герб, проверять и записывать дворянские права рыцарей»¹⁶⁹. Этимологическая связь между словами «геральдика» и «герольд» была известна уже в литературе XVIII в.¹⁷⁰. Ее выражением в русском языке оказалось первоначальное написание «геролдика», восходящее, видимо, к слову «герольт» (с 1719 г. – «герольд»), впервые упомянутому источниками в 1695 г.¹⁷¹, и история прилагательного «геральдический», которое одновременно употреблялось в варианте «герольдический», причем раньше, чем сам термин «геральдика» – не позд-

¹⁶⁶ Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 5. – Л., 1989. – С. 106.

¹⁶⁷ Поскольку и в Польше термин восходил к французскому источнику, то вопрос о его происхождении, по сути, сводится только к тому, прямо или опосредованно из французского языка произошло заимствование.

¹⁶⁸ Словарь русского языка. – Т. 1. – М., 1957. – С. 407; Словарь иностранных слов. – М., 1988. – С. 120; Словарь современного русского литературного языка. – Т. 3. – М., 1992. – С. 76.

¹⁶⁹ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 40.

¹⁷⁰ [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 227.

¹⁷¹ Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 5. – С. 108.

нее 1710 г.¹⁷². Вариант «герольдический» происходит именно от слова «герольд», а не от «геральдики» (первое упоминание – «увидел человека в герольдическом одеянии»)¹⁷³.

В XVIII в., когда геральдическая лексика только формировалась, значение терминов было нечетким и неустойчивым. Отмечалось большое разнообразие вариантов геральдической терминологии. Многие слова в дальнейшем не закрепились в русском языке: гербный, гербовать, гербить, гербоваться, гербовница (то же, что гербовник) и др. Синонимом термина «геральдика» являлось слово «герольдия». Показательный пример этому приведен в «Словаре русского языка XVIII в.», где отмечен заголовок «Показание о герольдии или описание герба»¹⁷⁴, позволяющий сделать вполне определенный вывод о семантике термина. Постепенный рост значения геральдики в общественной и политической жизни обусловил первую фиксацию термина в филологическом словаре, произошедшую в 1780 г.¹⁷⁵.

Несмотря на позднее формирование русской геральдической системы, геральдика в XVIII в. однозначно признавалась наукой. Это понимание не совпадало с современным значением термина, но подобное отношение придавало дисциплине статус, механически заимствованный из немецкой и французской историографии, где эта точка зрения уже имела распространение. Семантика термина в XVIII в. раскрывалась кратко и однозначно, как в переводах, так и в отечественных трудах: геральдика – «наука о гербах»¹⁷⁶, или, в близкой интерпретации «Словаря Академии Российской», – «знание о гербах»¹⁷⁷.

Особая актуальность для России проблемы составления гербов и, следовательно, формальной геральдики последовательно отражалась в историографии. И.В. Нехачин основной функцией геральдики считал «знать и изъяснять гербы»¹⁷⁸, ставя, таким обра-

¹⁷² Там же. – С. 106.

¹⁷³ Там же. – С. 109. Такой вариант употреблялся в геральдических трудах до второй половины XVIII в. (Дильтей Ф.-Г. Указ. соч. – С. 117, 149).

¹⁷⁴ Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 5. – С. 109.

¹⁷⁵ Нордстетт И. Российский с немецким и французским переводами словарь. – Ч. 1. – СПб., 1780. – С. 430.

¹⁷⁶ [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 227.

¹⁷⁷ Словарь Академии Российской. – Ч. 2. – Стлб. 34.

¹⁷⁸ Нехачин И.В., Нехачин Д.В. Указ. соч. – С. 96.

зом, преимущественно эвристические и герменевтические задачи. На возможность многообразного использования геральдической информации указывалось в учебнике Ж.-А.-С. Формея. Там подчеркивалась необходимость геральдического знания для генеалогии и истории, а особенно – для дворянства. По мысли автора, геральдика служит для доказательства социального статуса, стратификации сословия, подтверждения его земельных и политических прав¹⁷⁹. Н.М. Максимович-Амбодик предметом дисциплины считал описание гербов, т. е. сводил его к формальному моменту¹⁸⁰.

Сходная трактовка содержалась в труде И.-Х. Гаттерера, который назвал геральдику «наукой о правилах составления гербов»¹⁸¹ и наметил три соответствующие задачи: описывать гербы, объяснять их и составлять новые¹⁸². Уточнения, сделанные ученым, позволяют заметить, что объективно он расширял заявленные направления, полагая необходимым учитывать гербы («надлежит знать, кто имеет герб»), подчеркивая правовые аспекты («кому другому таковой же [герб. О.Н.] употреблять должно и можно») и необходимость исторической точности геральдического познания.

Благодаря переводчику труда И.-Х. Гаттерера секретарю Герольдии Г.Т. Мальгину появилось новое наименование дисциплины – гербоведение, которое бытовало одновременно с термином «геральдика» и только со временем приобрело лексическое своеобразие. В 1838 г. оно вошло в словари¹⁸³. Долгое время термины «гербоведение» и «геральдика» употребляли как синонимы, а затем первый из них стал использоваться для обозначения научного раздела дисциплины. Такое понимание наметил известный публицист и востоковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук О.И. Сенковский, написавший для «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара статью о геральдике, в которой разграничил эти термины. Хотя по традиции он назвал геральдику наукой, но использовал это слово для обозначения практической деятельности

¹⁷⁹ [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 233.

¹⁸⁰ Эмблемы и символы. – С. 26.

¹⁸¹ Гаттерер И.-Х. Указ. соч. – С. 12.

¹⁸² Там же. – С. 13.

¹⁸³ [Сенковский О.И.] Герб, гербоведение, геральдика // Энциклопедический лексикон. – Т. 14. – СПб., 1838.

или собственно совокупности гербов¹⁸⁴. Когда речь шла об исследовательском аспекте, О.И. Сенковский употреблял термин «гербоведение», которому дал принципиально новое определение, назвав «вспомогательной отраслью исторической критики» и причислив к сформировавшейся в тот период группе специальных дисциплин.

Начальный период развития гербоведения был насыщен поисками определения сути термина «геральдика». В итоге сформировались представления, которые стимулировали дальнейшую эволюцию дисциплинарной мысли.

Позиция А.Б. Лакиера была не вполне четкой. Терминологически он не поддержал О.И. Сенковского и не воспользовался понятием «гербоведение», хотя именно благодаря ему краткая дефиниция «геральдика – наука о гербах» приобрела иной смысл, став не только декларацией, в известной степени штампом, а вполне доказательным обозначением реальной познавательной ситуации. Ориентируясь на национальный опыт, А.Б. Лакиер подчеркивал экстраполяцию обозначения «наука» на национальную геральдику, статус которой как «вспомогательной науки для русской истории» он признавал не только возможным, но и необходимым¹⁸⁵. Фактически именно А.Б. Лакиер переместил отечественную геральдику из категории исключительно практического знания в научное, обстоятельно показал ее место в системе изучения прошлого и подчеркнул значение для исторических и генеалогических исследований¹⁸⁶.

В лингвистических словарях приоритет имел термин «геральдика», а слово «гербоведение» фиксировалось только как его синоним¹⁸⁷. В конце XIX – начале XX в. ситуация изменилась, наметилось возрастание роли понятия «гербоведение», однако разграничение оставалось не вполне четким и зависело от субъективных предпочтений авторов¹⁸⁸.

В тот же период вслед за О.И. Сенковским была предпринята попытка уточнить структуру дисциплины. П.П. фон Винклер раз-

¹⁸⁴ Там же. – С. 119.

¹⁸⁵ Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 227–228.

¹⁸⁶ Воронец Е.Н. Указ. соч. – С. 17.

¹⁸⁷ Словарь церковнославянского и русского языков. – Т. 1. – СПб., 1847. – С. 259; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – М., 1978. – С. 348.

¹⁸⁸ Винклер П.П. фон. Гербы городов... – С. 2.

делил ее на две части: теоретическую геральдику, которая должна заниматься составлением и описанием гербов, и практическую геральдику, к сфере ведения которой он относил классификацию, анализ, объяснение семантики и генезиса гербов¹⁸⁹. Затем эта структура неоднократно повторялась в историографии, со временем став традиционной¹⁹⁰. Подобная стратификация допустима, но терминологические обозначения разделов, данные П.П. фон Винклером, нельзя признать удачными, поскольку содержание понятий противоречило их названиям. Составление и описание гербов логично назвать практической геральдикой, а классификация и анализ изображений, напротив, составляют предмет научного познания. Воспользовавшись опытом предшествующей историографии, П.П. фон Винклер не смог отнестись к нему критически и предложить адекватного решения терминологической проблемы, вместо того он упрочил понятийную инверсию, которая частично сохраняется до сих пор.

Интенсивное развитие научного знания, обусловленное стремлением более точно обозначить место дисциплины в системе исторических дисциплин, и одновременный кризис герботворчества привели к тому, что в начале XX в. изменилось понимание структуры геральдики. Если П.П. фон Винклер ставил на первенствующее место практическую часть, то другие специалисты, прежде всего В.К. Лукомский, отдавали приоритет научному компоненту, что отразилось на очередности изложения фактов¹⁹¹. Противоречивость терминологии характерна для лекций Ю.В. Арсеньева, который сначала рассказывал о познавательных и исторических аспектах геральдики, а затем – о формальных правилах, но при описании структуры первый раздел назвал практической, а второй – теоретической геральдикой¹⁹². По всей видимости, подобная стратификация была некритически заимствована из немецкой историографии.

Широкое использование различной по познавательной ценности и хронологии (от XVII до XIX в.) европейской литературы ока-

¹⁸⁹ Винклер П.П. фон. Герб, гербоведение. – С. 462.

¹⁹⁰ Винклер П.П. фон. Русская геральдика. – СПб., 1892–1894. – Вып. 1–3; Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 1. – С. 53.

¹⁹¹ Лукомский В.К. Гербоведение и герб. – Стлб. 153–161; Лукомский В.К., Тирпольт Н.А. бар. Указ. соч.

¹⁹² Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 116.

зало заметное влияние на понятийно-терминологический аппарат лекций Ю.В. Арсеньева. Несколько нетождественных терминов представлялись в них как синонимы. Составление и описание гербов он предложил называть не только традиционно (теоретической геральдикой), но и гербоведением, а применение «правил изображения гербов и пользования ими» к «действительному изображению гербов», т. е. фактически – историю дисциплины, именовать практической геральдикой или геральдическим искусством¹⁹³. Такое использование термина «гербоведение» (который сам Ю.В. Арсеньев практически не употреблял) противоречило тенденции, наметившейся с середины XIX в. В начале XX в. гербоведение в большей степени ассоциировалось с научным знанием и трактовалось либо как вспомогательная историческая дисциплина, которая «имеет своим предметом изучения гербы»¹⁹⁴, либо как «наука, относящаяся к археологии»¹⁹⁵. Первый вариант истолкования представлял собой модификацию старого определения геральдики как «науки о гербах», в которой с позиций науковедения уточнялся реальный статус дисциплины как более частного, чем наука, явления.

В начале XX в. использовалось три интерпретации термина «геральдика»: 1) как искусства составления и объяснения гербов; 2) как науки о гербах; 3) как вспомогательной исторической дисциплины, находящейся в состоянии познавательного и информационного диалога с дипломатикой, сфрагистикой, нумизматикой, археологией, глиптикой, а через них – с историей¹⁹⁶.

Дефиниции термина «геральдика» в начале XX в. стали разнообразнее. Наряду со старыми («наука о гербах» и «учение о гербах») появились новые. Описывая генезис гербов, Ю.В. Арсеньев именовал геральдику «специальным знанием», а касаясь семантических аспектов – «символическим языком». Геральдист однозначно признавал за ней статус самостоятельной исторической дисциплины¹⁹⁷. В связи с этим обстоятельством следует разъяснить один истори-

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Лукомский В.К. Указ. соч. – Стлб. 153–154.

¹⁹⁵ Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 88.

¹⁹⁶ Хилинский К. Геральдика // Русская энциклопедия. – Т. 5. – СПб., [1913]. – С. 309.

¹⁹⁷ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 39, 91, 104. Аналогичные дефиниции давал В.А. Черепнин: Черепнин В.А. Геральдика // Энциклопедический словарь. – 7-ое изд., перераб. – Т. 13. – М., [1913]. – Стлб. 349.

ографический миф. Некоторые исследователи заявляли о том, что Ю.В. Арсеньев считал геральдику вспомогательной дисциплиной для генеалогии¹⁹⁸. Подобное мнение ошибочно и основывается на единственной фразе («являясь затем вспомогательной дисциплиной для генеалогии, геральдика приобретает значение таковой и для истории вообще»)¹⁹⁹, сказанной при описании междисциплинарных связей. Она совершенно не означает вспомогательного характера дисциплины по отношению к генеалогии. В контексте всего содержания раздела ее смысл состоял в том, что геральдическая информация может оказаться полезной в генеалогических изысканиях.

Отказаться от понимания геральдики как «науки о гербах» призывал Д.Н. Егоров, который не только однозначно признавал за ней статус вспомогательной исторической дисциплины (с акцентом на второе слово), но и вполне последовательно различал гербоведение и геральдику. Критерием первого Д.Н. Егоров считал историчность, устремленную на научное и точное познание²⁰⁰. Исследователь интерпретировал гербоведение как науку об образовании (генезисе) гербов, что реализовывалось, в его понимании, через разрешение комплекса взаимосвязанных источниковедческих проблем.

Несмотря на признание самостоятельности дисциплины, в начале XX в. продолжал бытовать тезис об археологическом значении геральдики, хотя он утратил актуальность и стал анахронизмом.

Зарождение в середине XIX в. государственного направления в русской историографии, для которого характерен повышенный интерес к юридическим институтам, и совершенствование геральдического права, связанное с упорядочением герботворчества, обусловили акцент на геральдике как отрасли «законоведения»²⁰¹. Гербы рассматривались как один из способов осуществления «единственно надежной критики» источников права, хотя и со сниженной применительно к русским реалиям ценностью. В юридических трудах геральдика понималась всего лишь как учение о гер-

¹⁹⁸ Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции: очерки нумизматики. – СПб., 1993. – С. 52.

¹⁹⁹ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 101.

²⁰⁰ Егоров Д.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 428.

²⁰¹ Отечественные записки. – 1855. – № 2. – С. 76; Загоскин Н.П. История права русского народа. – Т. 1. – Казань, 1899. – С. 248, 270.

бах. Мнения историков права о значении гербов для юридической науки различались. Профессор Казанского университета Н.П. Загоскин, например, отрицал историко-юридическую ценность дисциплины, ссылаясь на позднее возникновение русских гербов и их рецепционный характер²⁰². С ним категорически не соглашался профессор Московского университета А.Н. Филиппов, трактовавший геральдику как знание, актуальное для истории права, а негативные оценки обоснованно объяснивший неизученностью проблемы²⁰³.

К расширению понятия стремился В.К. Лукомский, для которого геральдика представлялась неким универсальным знанием, органически синтезирующим прошлое и настоящее. Он пропагандировал утверждение геральдиста XVII в. К.-Ф. Менестрие об энциклопедизме геральдики, в которой присутствует собственная теология, философия, юриспруденция, геометрия, история, география и грамматика. В.К. Лукомский добавлял к этому перечню искусство²⁰⁴. Он писал, что геральдика – «искусство своеобразное, иногда очень тонкое, часто красивое и всегда ярко отражающее стиль эпохи и вкус художника».

Наполнились новым содержанием понимание сущности конкретных разделов дисциплины. В.К. Лукомский относил к области истории геральдики не только описание бытования гербов, но и систематизацию, источниковедение, историографию, теорию и методику исследования²⁰⁵. Ю.В. Арсеньев большинство перечисленных направлений (систематизацию, источниковедение, историографию) причислял к предмету теоретической геральдики, компенсируя устаревшее название реальным содержанием понятия²⁰⁶. Удачную дефиницию формальной геральдики предложил В.А. Черепнин, фактически синтезировавший в нем элементы научного и практического знания. Он обозначил раздел как «систему правил составления гербов и пользования ими»²⁰⁷.

²⁰² Загоскин Н.П. Указ. соч. – С. 268–271.

²⁰³ Филиппов А.Н. Первые шаги в России в XVIII в. «геральдической науки» и граф Ф. Санти // Древности: труды Московского археологического общества. – Т. 25. – М., 1916. – С. 122–130.

²⁰⁴ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве... – С. 5–6.

²⁰⁵ Лукомский В.К. Гербоведение и герб. – Стлб. 153–161.

²⁰⁶ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 107–123.

²⁰⁷ Черепнин В.А. Указ. соч. – Стлб. 349.

Вопрос об объекте изучения гербоведения оставался в начале XX в. почти неосмысленным. Сложность заключается в том, что если предмет исследований в достаточной мере очевиден, то объектом является широкий круг разнообразных носителей, на которых существуют гербы. Такая ситуация создает затруднения. В.Е. Белинский, например, считал герб одновременно и объектом, и предметом изучения геральдики²⁰⁸. Другие авторы высказывались более определенно, хотя объект практически никогда не назывался прямо, и можно только с определенной долей вероятности предполагать, какой смысл вкладывался в это понятие. Наиболее ясно отношение к проблеме обозначили Ю.В. Арсеньев и В.К. Лукомский, перечисляя сферу использования гербов, т. е. фактически называя объекты изучения геральдики. Особенно скрупулезно это сделал В.К. Лукомский, в его работах подобные перечни встречаются неоднократно. Например, он писал: «И замки владетельных вельмож, и церкви, и общественные здания, и дома низшего дворянства, и триумфальные ворота, и надгробные памятники изобиловали геральдическими изображениями. В таких случаях гербы помещались обычно в виде лепных украшений – на фронтонах зданий, витражей – в окнах, фресковой росписи – на стенах, сводах и т. п. Гербами отмечались также произведения портретной живописи и надгробные плиты с фигурами погребенных, причем гербовые эмблемы не только составляют красивую декорацию фона, но заменяют соответствующие надписи. Еще многочисленнее геральдические украшения на предметах церковного, придворного и военного быта и домашнего обихода: иконах, колоколах, знаменах, оружии, мебели, коврах, ларцах, кубках, посуде, игральных картах и т. п.»²⁰⁹.

Ю.В. Арсеньев особо подчеркивал необходимость отнесения к объектам изучения вексиллологических памятников («всевозможных знамен, значков, хоругвей и прапоров»), обосновывая это единством их функциональной роли с гербами – тем, что они «носят на себе какие-либо геральдические цвета или эмблемы, служа при этом символами государства, отдельной территории или же рода, фамилии, корпорации и т. под.»²¹⁰.

²⁰⁸ Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 88.

²⁰⁹ Лукомский В.К. Гербоведение и герб.

²¹⁰ Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах... – С. 129.

Расширение понятия геральдики слабо раскрывалось в дефинициях 1910-х гг. Понятийно-терминологический аппарат оставался в значительной степени инертным и не вполне отвечал потребностям научного развития. Альтернативность формулировок указывала на активный поиск новых толкований и тенденцию к совершенствованию познавательных основ дисциплины.

В 1920-е – 1930-е гг. ситуация изменилась незначительно. Внешние трудности, которые испытывала геральдика, не создавали предпосылок для решения внутренних теоретических проблем. В работах повторялись тезисы о том, что геральдика – вспомогательная историческая дисциплина, подчеркивалась ее связь с искусством²¹¹. Продолжала бытовать давно устаревшая дефиниция «наука о гербах»²¹². Термины «геральдика» и «гербоведение» использовались как синонимы.

На общем фоне выделялась попытка А.П. Молявко-Высоцкого прояснить смысл понятия «геральдика». Констатируя ее научный статус противоречиво (и как дисциплины, и как науки)²¹³, он сосредоточился на разъяснении того, что для предыдущей историографии составляло смысловой стержень дефиниции – предмета исследования. В этом отношении А.П. Молявко-Высоцкий также был не вполне последовательным. Указав на двоякое понимание предмета геральдики у различных авторов (собственно гербы или символы) и декларируя личную принадлежность к первой позиции, он дал крайне противоречивое определение герба, оставлявшее пространное поле для интерпретаций. Историк утверждал, что гербы есть «изображения символические, то есть имеющие условное значение или напоминающие о каком-либо факте».

Оригинальное мнение высказывал А.П. Молявко-Высоцкий о месте геральдики и сфрагистики в системе исторических наук. Исследователь считал их ветвями «более обширной науки, которую можно было бы назвать “наукой о юридических знаках”». Под последними подразумевался разнообразный круг знаков собственно-сти, авторства, обязательства и т. п. Таким образом, А.П. Молявко-

²¹¹ Дунин-Борковский К.И. Указ. соч. – Стлб. 569; *Большаков А.М.* Вспомогательные исторические дисциплины. – 4-е изд., перераб. и доп. – Л., 1924. – С. 161, 168.

²¹² ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 71. – Л. 1.

²¹³ *Молявко-Высоцкий А.П.* Геральдика. Предмет курса // Гербовед. – 2000. – № 46. – С. 47–48.

Высоцкий едва ли не впервые в отечественной историографии заявил о необходимости некоей комплексной области знания, получившей впоследствии наименование эмблематики. Подобная идея представляла собой интеллектуальный прорыв, но категорически нельзя согласиться с ее следствием – интерпретацией геральдики только как части другой дисциплины, лишившей геральдическое знание самостоятельной познавательной ценности.

В конкретной терминологии А.П. Молявко-Высоцкий следовал за Ю.В. Арсеньевым и частично за В.К. Лукомским. В отличие от последнего он не употреблял термина «гербоведение», но, признавая двухэлементную структуру дисциплины, научный компонент именовал геральдикой, а практическую (объяснение и описание гербов) – геральдическим искусством (*ars heraldica*)²¹⁴, которое называл «рутинным», «схоластическим», подчеркивая его формальный характер и отсутствие критического подхода при описании генезиса гербов. А.П. Молявко-Высоцкий понимал познавательное значение научной геральдики вполне адекватно, интегрируя элементы культурологической и источниковедческой концепций²¹⁵. Особенный акцент делал он на заимствованной из европейской историографии идее о точности геральдического познания, которая служила основой для разделения научного, аналитического, и ненаучного, практического компонентов. Теоретические изыскания А.П. Молявко-Высоцкого начала 1920-х гг. долгое время оставались в рукописи и не были известны, но он предвосхитил некоторые положения, высказанные в последующей историографии.

Ко второй половине 1930-х гг. идеологическое давление на геральдику, усиливавшееся все послеоктябрьские годы, достигло критического предела. Появление двух дефиниций герба, в каждой из которых фактически содержалось обозначение собственных предмета и объекта изучения, обусловило формулировку определений для двух различных дисциплин, названных одинаково – геральдика. В.К. Лукомский писал: «Геральдика в более широком понимании ее содержания и задач имеет целью установление генезиса и этапов развития разного рода самых разнообразных и своеобразных знаков, принятых на различных ступенях развития челове-

²¹⁴ Там же. – С. 48, 178.

²¹⁵ Подробнее см. с. 190–206 настоящей монографии.

ской культуры и служащих как бы отражением совокупности материальных предметов, в начале рода, семьи и даже отдельного человеческого индивида и его личной собственности»²¹⁶. Методологически эта дефиниция основывалась, как и все предыдущие, на характеристике предмета исследования, но по смыслу она относилась к нему бесконечное число изображений, далеко выходявших за классическое понимание герба. Кроме того, традиционная апелляция к сфере культуры была дополнена, в соответствии с требованиями «марксизма-ленинизма», указанием на экономический ракурс проблемы. Предложенное понимание не являлось принципиально новым, поскольку закрепляло археологическую концепцию, которая и ранее, в начале XX в., не имела заметного влияния на методологию геральдического исследования. Следовательно, дефиницию можно расценивать как попытку вернуться к историографической ситуации середины XIX в., когда научное значение геральдики через призму археологии казалось более очевидным. Понятийный регресс был связан с прагматизмом, развивавшимся в геральдике 1920-х – 1930-х гг., стремлением найти для дисциплинарной информации какое-либо место в системе советской науки о прошлом.

В расширенной, претендовавшей на методологическое доминирование трактовке скрывалась та же опасность для целостности познания, что и в «широком» понимании герба. Предмет геральдики и ее исследовательские границы становились нечеткими. В.К. Лукомский не мог не предвидеть подобных последствий, поэтому попробовал снять противоречие путем одновременного введения «узкой» дефиниции, выдержанной в классических традициях. «В более узких смысле под геральдикой разумеют дисциплину, имеющую объектом своего изучения гербы, различные знаки их, сюжеты, характерные своим однообразным типом, в определенных хронологических рамках и в определенных социальных условиях преимущественно классового феодального общества»²¹⁷, – писал В.К. Лукомский. В этом варианте тенденция к достижению компромисса с марксистско-ленинской концепцией истории сохранялась. Она выразилась в акценте на социальном значении геральдики и в использовании категорий формационного подхода. Одновременно

²¹⁶ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... – С. 46.

²¹⁷ Там же.

предпринималась попытка дистанцировать дисциплину от идеологически и политически опасного недавнего прошлого, что достигалось введением хронологической константы и ассоциации с феодализмом. При характеристике предмета исследований, называемого, как у А.П. Молявко-Высоцкого, ошибочно объектом, В.К. Лукомский раскрыл его несколько подробнее, подчеркнув эмблематический и связанный с ним герменевтический аспекты изучения.

В дальнейшем В.К. Лукомский фактически отказался от выделения двух одноименных дисциплин. В итоговой статье «Герб как исторический источник» он ограничился только «узким» определением, которое приобрело более традиционный вид, благодаря констатации научного статуса и указанию на предмет исследования. «Геральдика как вспомогательная историческая дисциплина предметом своего изучения имеет герб»²¹⁸, – заявлял ученый.

В.К. Лукомский стремился сделать опальную дисциплину более идеологически приемлемой для советского тоталитаризма. Структура новой геральдики представлялась ему сочетанием советской геральдики (научного знания, имеющего предметом изучения знаки и эмблемы от древнейших времен до современности) и советской эмблематики, которая отождествлялась с практическим герботворчеством и состояла из гербов республик, городов, профессиональных и общественных союзов. К последним, видимо, причислялись изображения эмблематического статуса. Прагматическое значение дисциплины виделось, прежде всего, в пропаганде социалистической жизни: «Эти эмблемы будут развеиваться на знаменах шествующих колонн трудящихся в грандиозных демонстрациях масс, внедряются в повседневный быт рабочих и крестьян...»²¹⁹. Как и в случае с «широкой» интерпретацией, впоследствии В.К. Лукомский отказался от такой структуры. Взамен он предложил модель, подводившую логический итог в совершенствовании методики конкретных изысканий 1920-х гг. Он заменил двухэлементную структуру триадической, выделив в геральдике теорию (систему составления гербов), историю (знание о генезисе и эволюции гербов) и методику исследования, которая сводилась к гербовой экспертизе и понималась как интегрированная область первых двух компо-

²¹⁸ Лукомский В.К. Герб как исторический источник. – С. 49.

²¹⁹ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... – С. 76.

нентов²²⁰. Эта стратификация, несмотря на условное, с точки зрения современного гербоведения, использование термина «теория», адекватно отражала внутреннее состояние дисциплины, но осталась практически незамеченной.

Развитие идеи о существовании некоей комплексной дисциплины эмблематики было связано с реформой преподавания в Историко-архивном институте, которую проводил в период Великой Отечественной войны заведующий соответствующей кафедрой А.И. Андреев. В августе 1944 г. он предложил преподавать специальные исторические дисциплины «кустами», т. е. одновременно несколько, в рамках общего курса²²¹. Одним из «кустов» оказалась «эмблематика». Первоначально под этим термином подразумевался общий курс из генеалогии, геральдики и сфрагистики, но затем, к октябрю 1944 г., первую из них заменили на нумизматику. В контексте таких теоретических новаций становится понятно, почему В.К. Лукомский на заседании кафедры делал доклад о развитии в советский период сразу генеалогии, геральдики и сфрагистики.

Исключение из «куста» генеалогии объяснялось, во-первых, по замечанию Е.И. Каменцевой, ее специфическим положением «бедного родственника при геральдике»²²², а, во-вторых, различием представлений о содержании родословных исследований среди членов кафедры. «Обнаружилось принципиальное расхождение у Лукомского – представителя чистой генеалогии – генеалогии ради генеалогии с ее древами, таблицами и проч[ими] мудростями и остальными членами кафедры, которые ставят перед ней цели прикладные и превращают ее в подобную дисциплину для выяснения процессов общеисторического характера»²²³, – писала она в письме Н.В. Устюгову. Генеалогию заменили нумизматикой, хотя здесь оказалось тоже не все просто. Эта дисциплина в большей степени связана с вещественными памятниками, с музеями, чем с письменными источниками и, соответственно, архивами.

В.К. Лукомский не поддерживал идею об изучении «кустов». На него давили. «Александр Игнатьевич [Андреев. О.Н.] поставил бедному Лукомскому ультиматум: заниматься сразу генеалогией,

²²⁰ Там же. – С. 56.

²²¹ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 4. – Д. 110. – Л. 100 об.

²²² Там же. – Л. 116 об.

²²³ Там же.

геральдикой и сфрагистикой, а тот упрямится»²²⁴, – констатировала Е.И. Каменцева в переписке с тем же Н.В. Устюговым. В конечном счете, пришлось уступить, так как положение геральдиста на кафедре и в исторической науке не было прочным из-за «подозрительной» сферы исследований. Таким образом, идея о существовании «эмблематики» являлась не более чем данью тоталитарному времени, попыткой сохранить дисциплины, которые подверглись ostracism в официальной науке, а не результатом естественной эволюции познания прошлого.

Тем не менее, идея о советской эмблематике оказалась востребованной. Она активно обсуждалась с начала 1960-х гг. в связи с общей ситуацией в сфере специальных исторических дисциплин, которые казались устаревшими, требующими модификации и интеграции в современную науку²²⁵. В.И. Стрельский еще в конце 1940-х гг. пытался придать геральдике исключительно государственно-политическое значение²²⁶, без всяких оговорок заявляя, что геральдика кроме гербов должна изучать другие, как он называл, «юридические знаки»: ордена, памятные значки и т. п.²²⁷. Позднее к предметам изучения геральдики он причислил различные эмблемы и символы, знамена, флаги, филигранные, экслибрисы, причем мотивировал свою позицию тем, что те «до сих пор не стали предметом изучения какой-либо специальной дисциплины»²²⁸. В.И. Стрельский выделял три аспекта научного использования геральдики: изучение исторических источников, «обогащение общеисторических выводов и утверждений», определение общеисторических понятий. Приведенные им примеры позволяют констатировать прямое влияние на идеи В.И. Стрельского работ В.К. Лукомского.

²²⁴ Там же. – Л. 100 об.

²²⁵ Палеографию, например, предлагалось отделить от неографии – дисциплины, которая якобы должна изучать внешние признаки рукописей нового времени. См.: Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория. – С. 15.

²²⁶ «Геральдика всегда была государственным явлением, складывалась в правительственных сферах, отражая идеи и цели господствующего класса».

²²⁷ Стрельский В.И. Указ. соч. – С. 31.

²²⁸ Стрельский В.И. Геральдика и сфрагистика в научной работе историков: по материалам украинских архивов и других научных учреждений // Вопросы архивоведения. – 1963. – № 2. – С. 32.

Более радикальной точки зрения придерживался профессор А.А. Введенский. Он заявлял, что «геральдика в ее установленном содержании советскому историку бесполезна и не нужна» и требовал полностью заменить ее новой дисциплиной – эмблематикой²²⁹, как будто сложный процесс формирования знания может зависеть от желания конкретного исследователя, а не является реализацией объективных процессов развития науки. Воинствующее мнение А.А. Введенского находилось в прямом противоречии с идеей В.К. Лукомского, предполагавшего сосуществование геральдики и эмблематики.

Тезис о необходимости эмблематики еще более усилил терминологические антиномии, сохранявшиеся с XIX в. Однако если до 1917 г. существовала некая магистральная линия развития понятийного аппарата, то теперь она была утрачена, анализ велся хаотически, что усугублялось прекращением герботворчества, отсутствием систематических исследований, не вполне определенным статусом советских гербов, падением профессионализма среди авторов, каким-либо образом касавшихся дисциплинарной проблематики. С конца 1930-х гг. давно устаревшая дефиниция геральдики как «науки о гербах»²³⁰ сосуществовала со сравнительно новыми трактовками²³¹, восходившими к определению В.К. Лукомского из «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Некоторые старались избегать термина «геральдика», как, например, А.А. Ураносов, предпочитавший писать только о гербах²³². Постепенно свелось к минимуму использование термина «гербоведение», сначала занявшего второстепенное место, а затем фактически исчезнувшего. Он не упоминался даже в справочных изданиях, в том числе в «Советской исторической энциклопедии»²³³.

²²⁹ Введенский А.А. Указ. соч. – С. 31.

²³⁰ Колесников И.Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Архивное дело. – 1940. – № 55. – С. 32.

²³¹ Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. – С. 1; [Люблинская А.Д.] Геральдика // БСЭ. – 2-е изд. – Т. 10. – [М., 1952]. – С. 595; Тираспольская И.З. Геральдика // СИЭ. – Т. 4. – М., 1963. – Стлб. 233; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч. – 2-е изд., доп. – С. 5.

²³² Ураносов А.А. Указ. соч.

²³³ Исключением стали учебник Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова и лингвистические словари (Словарь современного русского литературного языка. – Т. 3. – М.; Л.,

В 1960-е гг. идея о слиянии геральдики с другими специальными историческими дисциплинами продолжала развиваться. Активными ее сторонниками были А.А. Ураносов, Е.И. Каменцева, Н.В. Устюгов, связанные с Историко-архивным институтом. В этом учебном заведении было издано несколько пособий, где провозглашалась интеграция геральдики и сфрагистики²³⁴, а единственным основанием для нее стало использование гербов на печатях. Такая аргументация не может быть признана убедительной, потому что гербы часто помещались также на других вещественных памятниках: монетах, знаках отличия, знаменах и др., но вопрос об интеграции геральдики с нумизматикой, фалеристикой, вексиллологией не ставился. Не изменилась позиция авторов и ко второму изданию учебника 1974 г.²³⁵. Некоторое оживление герботворчества и гербоведения на рубеже 1960-х – 1970-х гг. привело к тому, что если в рецензиях на первое издание 1963 г. правомерность объединения дисциплин не оспаривалась, то в отзыве на переиздание Н.А. Соболева отметила, что тесная связь «геральдики и сфрагистики может сложиться в конкретном исследовании», когда она обусловлена поставленной проблемой, но в теоретическом отношении они различны и самостоятельны, а их соединение формально и искусственно²³⁶. Однако и после такой аргументированной критики ошибочный тезис о единстве двух дисциплин продолжал использоваться²³⁷.

На рубеже 1960-х – 1970-х гг. получило завершение формирование представлений об эмблематике. Е.И. Каменцева выступила с программными статьями, в которых попыталась выявить теоретико-методологические основы ее как дисциплины, определить предмет и объект изучения, круг источников, междисциплинарные связи, т. е. придать ей характер научной области знания. Эмблематика декларировалась как «новая социальная историческая

1954. – С. 75), хотя в последнем случае фиксация термина не была постоянной. Например, он отсутствовал в «Словаре русского языка» (Т. 1. – М., 1957. – С. 407).

²³⁴ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч. – 2-е изд., доп. – С. 6. В связи с этим уместно указать, что Д.Н. Егоров в 1915 г. резко выступил против появившихся в конце XIX в. в немецкой историографии попыток подменить геральдику сфрагистикой, что, по его мнению, означало замену целого «его частью» (Егоров Д.Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 374–375).

²³⁵ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч. – 2-е изд., доп. – М., 1974.

²³⁶ Соболева Н.А. Учебное пособие о гербах и печатях // СА. – 1975. – № 2. – С. 101.

²³⁷ Каменцева Е.И. Русская сфрагистика и геральдика. – М., 1983.

дисциплина», предметом осмысления которой – «эмблемы советской эпохи»: ²³⁸ знаки отличия, печати, знаки учреждений, профсоюзов, различных добровольных обществ, почтовой оплаты, постоянных сборов, товарные, издательские. Многие из них помещались на письменных (членских билетах, почетных грамотах, справках, приглачительных билетах) и изобразительных источниках. Намечалось двоякое использование эмблематической информации: для источниковедческого анализа (установления подлинности, даты, авторства, обстоятельств создания документа) и для осмысления общеисторических сюжетов. Несмотря на утверждение о самостоятельности предмета изучения, важнейшей частью эмблематики объявлялась геральдика, и геральдический компонент доминировал фактологически. Эмблематика мыслилась как хронологически локальная дисциплина, касающаяся советского периода. Однако в предложенном понимании отсутствовали четко сформулированные основания, которые могли бы воспрепятствовать расширению ее исследовательских границ на досоветский период. Таким образом, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. под идеи А.А. Введенского был подведен теоретико-методологический фундамент. Фактически они преследовали цель подменить геральдику эмблематикой. В.С. Драчук отмечал, что становление эмблематики логически завершило развитие «традиционных», по его терминологии, дисциплин: геральдики, сфрагистики, нумизматики ²³⁹.

Реализовать тезис о формировании эмблематики на практике не удалось. Немногочисленные работы об эмблемах либо ограничивались декларативными заявлениями о существовании и перспективности новой дисциплины, либо затрагивали исключительно конкретные изображения, которые по статусу просто нельзя было причислить к гербам. Тот факт, что за прошедшие полвека не сложилось серьезной историографической традиции в области эмблематики, однозначно указывает на необоснованность наделения ее статусом специальной исторической дисциплины. На самом деле,

²³⁸ Каменцева Е.И. Проблемы советской эмблематики // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. – Т. 2. – М., 1965. – С. 112; Она же. Основные проблемы советской эмблематики // СА. – 1970. – № 1. – С. 35–40.

²³⁹ Драчук В.С. Указ. соч. – С. 17.

она представляет собой не более чем направление комплексного изучения знаковых систем²⁴⁰.

Концептуальный тезис об эмблематике как некоей интегрирующей мета-дисциплине эволюционировал на рубеже 1970-х – 1980-х гг. На его основе и с опорой на упомянутые труды В.К. Лукомского, В.И. Стрельского и других авторов Г.В. Вилинбахов предложил альтернативное понимание геральдики. Основопологающим его пунктом оказалась расширенная интерпретация предмета и объекта. Идеи советского периода преобразовались в предложение считать геральдику дисциплиной, которая изучает знаки, выполняющие единую социальную функцию – накапливать, хранить и передавать информацию, которая определяет общественное положение индивида или какой-либо группы²⁴¹. Предметом ее изучения предлагалось считать самые разнообразные объекты: эмблемы, гербы, ордена, знаки отличия, знамена, униформу и т. д.²⁴². Поскольку каждый из них к концу XX в. изучался какой-либо дисциплиной (фалеристикой, униформологией, вексиллологией), то Г.В. Вилинбахов объявил их частями геральдики²⁴³. При такой интерпретации геральдика оказывалась превосходящей по исследовательским границам даже эмблематику, поскольку в сфере ее изучения попадал даже цвет, который не был отнесен к предмету эмблематических изысканий. Термин «геральдика» становился условным. По замечанию одного из оппонентов новой теории, оказывалось безразличным, как именуется предлагаемая дисциплина – геральдика, эмблематика или еще как-нибудь²⁴⁴.

Предмет исследования в концепции Г.В. Вилинбахова устанавливался в зависимости от потребностей конкретной ситуации. Так,

²⁴⁰ Теоретически существование эмблематики как самостоятельной дисциплины возможно, но она должна быть четко отделена от геральдики и иметь однозначно обозначенные предмет и объект исследования. К настоящему времени процесс формирования эмблематики далек от завершения.

²⁴¹ Вилинбахов Г.В. Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина (к вопросу о предмете исследования и структуре) // Геральдика. – Л., 1983. – С. 7.

²⁴² Единственное, что Г.В. Вилинбахов не включил в предмет новой геральдики – чины, титулы, звания и «геральдическую музыку» (гимны, марши и др.), хотя и не отрицал такой возможности теоретически.

²⁴³ Вилинбахов Г.В. Геральдика... – С. 8.

²⁴⁴ Бурков В.Г. Фалеристика. История формирования и развития // Гербовед. – 1997. – № 22. – С. 86; Он же. Фалеристика. – М., 2000. – С. 27–28.

в тезисах доклада о военных аспектах геральдики ученый указывал, что при ее помощи возможно определение не только рода и племени, но армии и полка²⁴⁵.

В контексте концепции Г.В. Вилинбахова представляет существенный интерес предложенная им дефиниция. Признавая двухэлементную стратификацию, он давал дисциплине два истолкования. Раздел, который занимался исследовательскими задачами, определялся как «научная дисциплина, изучающая разнообразные геральдические памятники», а практическая часть – как «совокупность геральдических памятников»²⁴⁶. Термин «гербоведение» использовался редко. При интерпретации понятия «геральдика» произошла важная в теоретическом отношении инверсия предмета изучения. Если раньше ими являлись гербы, то теперь – геральдические памятники, под которыми понимались все носители геральдической или символической информации. В таком случае исследовательское поле дисциплины, называемой геральдика, оказывалось чрезвычайно широким. Г.В. Вилинбахов указывал, что предмет дисциплины определяет не форма, а содержание, под которым он подразумевал социальную функцию – представлять определенные микро и макроструктуры общества. Что же касается совокупности самих памятников, также именуемой геральдика, то разнообразие и разнородность фактического материала побудили Г.В. Вилинбахова предложить систематизацию объектов изучения, для чего снова был использован метод инверсии. Если в предыдущей историографии классифицировали гербы, то теперь предлагались разделы дисциплины, по сути, повторяющие традиционные группы. Критерием стала владельческая принадлежность. В соответствии с ней выделялись: геральдика личная или родовая, профессиональная, земельная, этническая или национальная, государственная, интернациональная.

Концепция Г.В. Вилинбахова была встречена критически. Высказывалось мнение, что предложенное интегрирующее начало – социальная функция – может стать предметом изучения социальной семиотики, но не геральдики, анализирующей строго опреде-

²⁴⁵ Вилинбахов Г.В. Военная археология и геральдика // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб., 1998. – С. 9.

²⁴⁶ Вилинбахов Г.В. Геральдика... – С. 8.

ленное явление – герб²⁴⁷. Кроме того, как писали оппоненты, развитие наук определяется процессами дифференциации, постепенного выделения самостоятельных дисциплин с конкретными объектами и предметами исследования, с определенными методическими подходами. Искусственная интеграция самостоятельных областей знания в единую дисциплину алогична. Их взаимодействие в данном случае возможно как использование информации или методов одной дисциплины в исследовательском пространстве другой, но не как полное слияние. Несмотря на критику, концепция продолжает существовать, дополняется новыми аргументами и выступает теоретической основой для публикаций²⁴⁸.

Наряду с попытками подменить геральдику эмблематикой или расширить границы дисциплины еще в начале 1970-х гг. обозначился более традиционный подход к разрешению понятийно-терминологических проблем. Методологически он основывался на источниковедческой концепции русского гербоведения. Возрождались отношение к геральдике как к дисциплине, изучающей гербы в качестве «специфических исторических источников», повторялось определение теории геральдики, данное В.К. Лукомским, активнее использовался термин «гербоведение»²⁴⁹.

Одновременно уточнялось, совокупность каких проблем должна подразумеваться под изучением герба. Этот процесс реализовывался двояко. На примере территориальной геральдики было доказано, что изучение герба включает в себя выявление правительственной политики в области герботворчества, статуса и роли гербов в общественной жизни, генезиса конкретных эмблем и т. п.²⁵⁰. С другой стороны, исследовательское пространство расширялось за счет осмысления практического опыта советского периода.

²⁴⁷ Бурков В.Г. Фалеристика. История формирования... – С. 86; Он же. Фалеристика. – С. 27.

²⁴⁸ Вилинбахов Г.В. Понятие геральдики // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. – СПб., 2001. – С. 14–24; Цветков А.Г. О синтезе знаковых систем // *Геральдика в прошлом...* – С. 63–66; Шепелев Л.Е. Геральдика изобразительная и вербальная // Там же. – С. 73–75.

²⁴⁹ Коротков Ю.Н. Геральдика // БСЭ. – 3-е изд. – Т. 6. – М., 1971. – С. 342; Щебенков Ю.М. Указ. соч. – С. 525; *Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория*. – С. 161.

²⁵⁰ Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика... – С. 233.

Полученные методические результаты можно было экстраполировать на любой раздел дисциплины. Г.Г. Прошин писал, что «только в советское время гербоведение, скинув ливрею, превратилось из практического руководства по составлению и классификации гербов во вспомогательную историческую дисциплину, дополняющую о многих моментах прошлого нашей Родины»²⁵¹. Подобные колебания являлись конъюнктурными, поскольку тезис об отставании в области геральдических исследований противоречил официальному положению об успехах советской исторической науки в целом, а констатация процветания гербоведения не соответствовала бы реальному положению вещей.

Расширение предмета геральдики находилось в контексте характерной для 1960-х – 1970-х гг. интенсификации источниковедческих исследований. Одним из направлений этого стал поиск новых источников, который должен был способствовать адекватности предлагаемых моделей прошлого и достоверности выводов. В таком отношении геральдика являлась неиспользованным резервом источниковедческой информации. В литературе предпринимались попытки определить ее место и роль при изучении источников, а также в системе специальных исторических дисциплин. Обычно они ограничивались поверхностными и слегка банальными суждениями. Подчеркивалось своеобразное положение геральдики в историческом знании, требующее специфического методического инструментария. Признавалось, что из специальных дисциплин геральдика меньше всех преодолела «вспомогательность» и не обрела еще подлинной самостоятельности²⁵². Последнее суждение не вполне справедливо и применимо преимущественно к ситуации третьей четверти XX в.

Междисциплинарный диалог геральдики в 1970-е гг. расширялся через анализ ее отношений с топонимикой. Он основывался на признании возможной связи генезиса конкретных территориальных гербов с географическими названиями и/или их толкованием (часто легендарным)²⁵³.

²⁵¹ Вестник высшей школы. – 1965. – № 4. – С. 94.

²⁵² Соболева Н.А. Указ. соч. – С. 272.

²⁵³ Отин Е.С. Геральдика и топонимика // Русская речь. – 1977. – № 1. – С. 110–118.

Поиск новых подходов к истолкованию сущности герба оказал влияние на разграничение и уточнение отдельных понятий. Н.А. Соболева предложила не две, как Г.В. Вилинбахов, а уже три возможных дефиниции геральдики: как «дисциплины, изучающей гербы, историю их возникновения и использования», как «науки о составлении герба, предусматривающей систему специальных знаний о форме, композиции изображениях, цветах герба и в соответствии с этими знаками его художественном воплощении» и как собирательного термина для обозначения самого гербового материала²⁵⁴. Принципиальным при таком дифференцированном подходе было то, что автор подчеркивала единство толкований, давая представление о геральдике через ее структуру. Первая дефиниция соответствовала тому разделу, который в предыдущей литературе носил название «история геральдики», вторая – «теоретической геральдики». Третье понимание, под которым подразумевалось практическое воплощение предыдущих понятий, предлагалось впервые и возобновило тезис о трехчленной стратификации, в которой только последний элемент отличался от аналогичного построения В.К. Лукомского.

Н.А. Соболева была не одинока в стремлении определить сущность дисциплины через ее структуру. В конце 1970-х гг. Е.И. Каменцева применительно к средневековому периоду называла геральдику системой знаний о гербах, а относительно более поздних периодов – исторической дисциплиной, изучающей гербы²⁵⁵. В конце 1980-х гг. Д.В. Либерман именовал геральдику и специальной исторической дисциплиной, и «отраслью прикладного знания»²⁵⁶, а В.И. Лавренов попытался уточнить дефиницию раздела, который был третьим у Н.А. Соболевой, обозначив его как «комплекс гербов, объединенных общностью территории, временем возникновения и областью практического применения»²⁵⁷. Однако последняя трактовка не имела универсального характера. В той же работе автор давал самостоятельное определение для советской геральдики и

²⁵⁴ Соболева Н.А. Указ. соч. – С. 3.

²⁵⁵ Каменцева Е.И. Геральдика // Русская речь. – 1977. – № 4. – С. 106–107.

²⁵⁶ Либерман Д.В. О современном состоянии и нерешенных проблемах советской геральдики // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т. 19. – Л., 1987. – С. 217.

²⁵⁷ Лавренов В.И. Геральдика советских городов 1960–1980-х годов: Источниковедческий анализ // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. – Калинин, 1988. – С. 131.

называл иные критерии, определяющие границы реализации понятия. По мнению В.И. Лавренова, советская геральдика – «совокупность изображений, объединенных общностью происхождения, назначения и идеологического содержания»²⁵⁸. Стремление придать особый статус опыту, накопленному после 1917 г., обусловило введение некоей идеологической константы. Несмотря на иконографическое своеобразие, советские гербы можно отнести к предмету геральдического познания. Что же касается «идеологического содержания», то каждый герб обладает им, и его конкретное воплощение при анализе сущности понятия принципиальной роли не играет.

Стремление разграничить геральдику по хронологическому признаку привело к истолкованиям, ориентированным на советскую геральдику. По мнению В.А. Поцелуева, она изучает «историю разработки и принятия, изменения, практического применения гербов, дает толкование и объяснение значению новых геральдических атрибутов»²⁵⁹. В контексте источниковедческих построений отмечалось, что советская геральдика поставила задачей освоение герба как исторического источника и создание принципиально новых советских эмблем²⁶⁰.

Трехчленная структура дефиниции и, следовательно, геральдики в целом, имела популярность. В частности, в переведенном с немецкого языка «Словаре нумизмата» статус геральдики определялся расплывчато – и «наука о гербах», и специальная историческая дисциплина, а компонентами ее назывались: 1) история и правила составления гербов, т. е. область, интегрирующая историю и теорию в понимании отечественного гербоведения; 2) геральдическое искусство; 3) геральдическое право²⁶¹. Вполне перспективная в познавательном отношении идея не оказала никакого влияния на историографию.

В советский период преобладал термин «геральдика», но понятийные поиски 1960-х – 1970-х гг. способствовали реабилитации понятия «гербоведение», хотя смысл его был не прояснен, сфера использования не определена. Особое понимание формулирова-

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Поцелуев В.А. Указ. соч. – С. 52.

²⁶⁰ Драчук В.С. Указ. соч. – С. 14.

²⁶¹ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1993. – С. 58–60.

лось в методических рекомендациях к курсу специальных исторических дисциплин, изданных в 1988 г.²⁶². По мнению авторов, гербоведение изучает гербы «как эмблемы, утвержденные верховной властью и составленные по особым правилам». Такая трактовка узурпировала традиционную дефиницию герба. Смысл инверсии становится ясным в контексте того, что гербоведение наряду с эмблематикой признавались разделами геральдики в расширенном истолковании – как дисциплины, изучающей гербы, знаки и эмблемы в качестве носителей информации о структуре общества, его идеологии и политической направленности²⁶³. Таким образом, новое понимание было обусловлено концепцией Г.В. Вилинбахова о геральдике как мега-дисциплине.

Еще один подход к разрешению понятийных проблем был предложен в конце 1980-х гг. Он предполагал употребление термина «гербоведение» как одну из возможностей снять многозначность слова «геральдика». Под влиянием европейской историографической традиции разграничивались сферы употребления терминов «геральдика» и «гербоведение», а их семантические различия связывались с хронологическим фактором. Геральдикой называлась «совокупность всех гербов и имеющих к ним отношение знаков и предметов, а также деятельность по изучению и осмыслению геральдического материала»²⁶⁴. Основываясь на том, что она есть своего рода квинтэссенция особого средневекового типа менталитета и феномен культуры определенной эпохи, отмечалась возможность использования слова в строгом смысле только относительно XII–XVII вв. Когда же исчезли реалии, определявшие сущность явления, то интерес к гербам стал регулироваться иными факторами, прежде всего – познавательным, что изменило бытийный смысл геральдики, превратило ее в научное знание. Именно геральдику Нового и Новейшего времени предлагалось называть гербоведением. Оно трактовалось как дисциплина, изучающая геральдику и литературу о ней²⁶⁵.

²⁶² Вспомогательные исторические дисциплины. – Калинин, 1988. – С. 10.

²⁶³ Там же. – С. 6, 10.

²⁶⁴ Введение в специальные исторические дисциплины. – С. 51.

²⁶⁵ В соответствии с такой структурой различаются геральдисты (люди, занимающиеся составлением и описанием гербов) и гербоведы, изучающие научные аспекты дисциплины (Там же. – С. 69).

В приведенной выше дефиниции следует подчеркнуть два момента: во-первых, традиционный дуализм, соединение самих гербов и знания о них; во-вторых, расширение интерпретации предмета дисциплины, которое происходит за счет упоминания «всех гербов» и связанных с ними знаков. Данное обстоятельство создает маневренное пространство при изучении генезиса изображений и влияния геральдики на различного рода вещественные памятники.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. уточнялось содержание термина «теоретическая геральдика». Будучи приемлемым для ситуации, когда подлинно теоретическое осмысление фактической информации отсутствовало, он стал противоречивым к концу XX в., поскольку под ним часто по-прежнему понималась система правил составления и описания гербов, а не анализ каких-либо общих, познавательных проблем. Смысл понятия полностью не соответствовал его названию, поэтому для данного раздела дисциплины предлагалось более подходящее обозначение – формальная геральдика. Предметом его являлись «собственно изображение герба и правила его составления»²⁶⁶. Благодаря такой инверсии термин «теоретическая геральдика» мог обрести адекватное содержание.

Предложенные понятийно-терминологические новации предвосхитили возросшее в 1990-е гг. внимание к теоретическим аспектам дисциплины, но не получили широко распространения и не стали общепринятыми. Некоторые авторы выступили против этих идей, вполне обоснованно назвав суждения о разделении терминов по хронологии спорными²⁶⁷.

В современной историографии термины «гербоведение» и «геральдика» используются наравне. Под первым из них преимущественно подразумевается раздел, занимающийся изучением научных проблем познания гербов. Еще в 1990 г. упоминалось о русской школе гербоведения²⁶⁸.

Бурно развивавшееся в конце XX в. геральдическое знание обусловило множество предложений об усовершенствовании понятийно-терминологического аппарата. Они не всегда выдвига-

²⁶⁶ Там же. – С. 41, 54.

²⁶⁷ Медведев М.Ю. «Зима средневековья» в поздних девизах французских королей // СВ. – Т. 61. – М., 2000. – С. 202.

²⁶⁸ Черных А.П. Новые книги по геральдике // СВ. – Вып. 53. – М., 1990. – С. 254.

лись профессиональными историками и опирались на действительное понимание принципов исторического знания. Особенно интенсивными стали терминологические поиски в конце 1990-х гг. К этому времени была практически вытеснена из активного употребления примитивная дефиниция геральдики как «науки о гербах» без дополнительных пояснений²⁶⁹. Доминировало определение, указывающее на источниковедческую сущность предмета ее изучения²⁷⁰. Это понимание как общепринятое проникло даже в лингвистические справочники²⁷¹.

Однако неустойчивость, альтернативность толкований термина привели к тому, что в учебных пособиях дефиниции могли вообще отсутствовать²⁷². Иногда отмечался статус вспомогательной дисциплины²⁷³, иногда обходились даже без этого²⁷⁴. Определение теоретической геральдики использовалось чаще, но было инвариантным и устаревшим²⁷⁵. Фактическая подмена понятий не только давала искаженное представление о сущности геральдики, границах дисциплинарного знания и ее структуре, но свидетельствовала о теоретическом кризисе.

Подтверждением этому стали попытки ввести в употребление новые термины. Например, под «геральдистикой» предлагалось понимать получившее широкое распространение коллекционирование значков с гербами. Использование гербов в повседневной жизни современной России, изображение их на различных бытовых предметах, в информационной среде и в деятельности органов государственной власти терминологически выразились в распространении слова «герботворчество» и его синонимов – «приклад-

²⁶⁹ Специальные исторические дисциплины. – Киев, 1992. – С. 94; *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М., 1995. – С. 8.

²⁷⁰ *Штакельберг Ю.И.* Указ. соч. – С. 537; *Кандауров И.И., Стрелова О.Ю.* Указ. соч. – С. 38; *Склизкова Е.В.* Геральдика как феномен культуры. – М., 2000.

²⁷¹ Словарь иностранных слов. – М., 1988. – С. 120.

²⁷² См.: *Беловинский Л.В.* Вспомогательные исторические дисциплины. – М., 2000.

²⁷³ *Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А.* Ключи к тайнам Клио: кн. для учащихся и студентов. – М., 1994. – С. 163; *Они же.* Вспомогательные исторические дисциплины: учебник. – М., 2000.

²⁷⁴ *Шаповалов В.А.* Указ. соч.

²⁷⁵ *Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А.* Ключи к тайнам Клио. – С. 164; *Они же.* Вспомогательные исторические дисциплины. – С. 216; *Штакельберг Ю.И.* Указ. соч. – С. 541; *Шаповалов В.А.* Указ. соч.

ная геральдика», «практическая геральдика»²⁷⁶ и «живая геральдика». Последний термин использовался в предшествующей историографии для характеристики Европы в строго определенный период – XIV–XV вв.

Возникла необходимость обозначать каким-либо образом самую совокупность гербов, причем не только применительно к современности, но и в историческом отношении. Ее по-прежнему предлагалось называть просто «геральдикой»²⁷⁷, однако тенденция к преодолению многозначности термина, определение его познавательных границ обусловили новое понятие «геральдическое пространство». Под ним понималась совокупность гербов, выделяемая на основе социальных, географических, хронологических и иных критериев²⁷⁸. Она трактовалась не как некое аморфное и эклектическое соединение, а как определенная система, состоящая из нескольких взаимосвязанных уровней (страт). Например, в статусном отношении выделялись государственная, территориальная, родовая геральдика, а в географическом: геральдика Владимирской области, геральдика Рязанской области и т. д., которые в совокупности составляют территориальную геральдику России.

Показательна позиция художника А.Г. Силаева, признававшего современную геральдику актуальной общественной дисциплиной, отображающей качественные изменения в политико-экономическом устройстве государства и в общественном сознании²⁷⁹.

Развитие теории информации, проникновение ее в методологию исторического исследования также оказали влияние на толкование терминов. Было сформулировано представление о геральдике как комплексной знаковой системе или «невербальной системе знаков»²⁸⁰, которая сохраняет и передает информацию. Подобная трактовка относится к практической части дисциплины и каче-

²⁷⁶ Предлагалось следующее определение сущности практической геральдики – «система определенных знаний о символах, форме, содержании герба, правилах его составления и описания» (Специальные исторические дисциплины. – С. 7).

²⁷⁷ Вилинбахов Г.В. Понятие геральдики. – С. 15.

²⁷⁸ Наумов О.Н. Геральдическое пространство Московского региона: теория, историография, методика изучения // История городов Московского края. – М., 2000. – С. 58.

²⁷⁹ Силаев А.Г. Геральдика и правовое общество // Гербовед. – 1997. – № 14. – С. 100.

²⁸⁰ Деревщиков А.Б. Развитие системы военно-геральдических знаков Федеральной пограничной службы Российской Федерации // Первая научно-практическая военно-геральдическая конференция...

ственно смещает акценты, указывая на возможность нового подхода к осмыслению теоретических проблем в информационных категориях.

Междисциплинарные связи часто понимаются не как методическая или информационная интеграция, а в соответствии с концепцией Г.В. Вилинбахова, как полное слияние. В таком контексте, например, решался вопрос о связи геральдики и оружейведения²⁸¹.

Несмотря на многочисленные понятийно-терминологические новации 1990-х гг., проблема структуры дисциплины отразилась в научном знании слабо. Г.И. Королев констатировал наличие эмблематической археографии²⁸², хотя идею о существовании археографического раздела можно экстраполировать и на гербоведение. Его задача, как представляется, заключается в научном воспроизведении геральдических памятников, а также в изучении истории, теории и методики подобных публикаций.

Г.В. Вилинбахов предложил выделять «специальную отрасль» дисциплины – военную геральдику, к предмету изучения которой наряду с оружием были отнесены униформы, знаки отличия и знамена²⁸³.

Взаимоотношения между стратами геральдики, обозначенными различными терминами, или, наоборот, между разделами, именуемыми одним термином (чаще всего «геральдика»), соотношения понятий остаются в современном знании не проясненными и нечеткими. В контексте этого представляет интерес структура, предложенная украинскими авторами²⁸⁴. Формально она относится к иной национальной историографии, но генетически связана с русской школой гербоведения. По их идее, геральдика состоит из трех компонентов: теоретического (его предмет – терминология, совокупность правил и законов), практического (его предмет – составление, собирание и описание гербов), исторического (его предмет – история геральдики, историография, источниковедение, история геральдических учреждений, история отдельных гербов). Такое по-

²⁸¹ Вилинбахов Г.В. Военная археология...

²⁸² Королев Г.И. Точность в исторической эмблематике и эмблематической археографии // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. – М., 1999. – С. 81–82.

²⁸³ Вилинбахов Г.В. Указ. соч. – С. 9.

²⁸⁴ Калмакан И.К., Емельянов М.В. Основы геральдики. – Одеса, 1996.

строение несколько противоречиво, в предмет теоретической геральдики, например, не включены познавательные проблемы. По сути, она уже опробована применительно к другим специальным историческим дисциплинам. Тем не менее, ее можно использовать в российском гербоведении.

Противоречивость дефиниций полно продемонстрировала статья Г.В. Вилинбахова «Понятие геральдики», в которой приводится несколько интерпретаций и повторяется уже известная триадическая модель: 1) практика создания и использования системы геральдических знаков; 2) специальная дисциплина, предметом которой являются геральдические системы; 3) совокупность геральдических знаков²⁸⁵.

Комплекс понятийно-терминологических проблем, связанный с фундаментальными вопросами о предмете, объекте, структуре, роли и месте дисциплины, остается в современной научной геральдике России не разрешенным. Параллельно бытует несколько синонимичных и альтернативных терминов, смысл которых четко не определен и которые плохо соотносятся с представлениями о дисциплине. Такая ситуация сложилась вследствие постоянного игнорирования теоретических проблем, присущего отечественному гербоведению. Понятию геральдики традиционно уделялось гораздо меньше внимания, чем осмыслению сущности герба. Оно воспринималось как производное и, в какой-то мере, вторичное. Его модификация часто отражала изменения в трактовках герба, который служил ядром определения в качестве указания на предмет изучения. Как правило, одновременно бытовало несколько альтернативных интерпретаций геральдики и доминирующая определялась не всегда.

Отечественная понятийно-терминологическая система инертна. Устаревшие дефиниции, приобретая значение историографического стереотипа, традиционности, долго не выходят из употребления. Интенсивность терминологических поисков увеличивалась в периоды фундаментальных методологических изменений – на рубеже XIX–XX в., на рубеже XX–XXI в. В первом случае она была связана с конституированием русского гербоведения как научной сферы познания, во втором – с переосмыслением познавательного зна-

²⁸⁵ Вилинбахов Г.В. Понятие геральдики. – С. 14–24.

чения геральдической информации и попытками вывести дисциплину на новый качественный уровень анализа и практики. В последнем случае на терминологический аппарат сильное влияние стали оказывать культурологические, информационные, структуралистские подходы. Однако период интенсификации геральдического знания пока незначителен, чтобы указанные процессы могли принести существенные результаты.

§ 3. Систематизация гербов в отечественной историографии

Классификация имеет глубокий теоретический смысл, поскольку именно через систематизацию, через выделение общих и специфических характеристик всех заданных объектов достигается точное и последовательное знание об их сущности.

Многообразие и полиэмблематичность геральдического пространства детерминируют необходимость его стратификации в гербовниках, исследованиях, учебно-методических пособиях. Систематизация неизбежно связана с определением рангового положения конкретного герба по отношению к другим, с построением некоей иерархической системы. Иерархия могла отражать официальную точку зрения на положение владельцев в рамках сословия или социума в целом, либо являться способом научного осмысления гербового материала²⁸⁶.

Систематизации в России создавались преимущественно на основе анализа отечественного опыта. Попытки упорядочить европейское геральдическое пространство предпринимались редко, хотя отечественным авторам было известно о разновидностях зарубежных гербов. Уже в первой статье на русском языке о геральдике перечислялись группы западных гербов: владетельные, претензий, памятные, брачные²⁸⁷. Этот перечень являлся не притязанием на создание всеобъемлющей систематизации, а только стремлением дать представление о разнообразии семантических сюжетов, которые могут отражаться в гербах. Стратификация была ограниче-

²⁸⁶ Подробнее см.: *Наумов О.Н.* Систематизация родовых гербов в отечественной историографии. – С. 161–185.

²⁸⁷ О гербах. – Ч. 4. – С. 13–15.